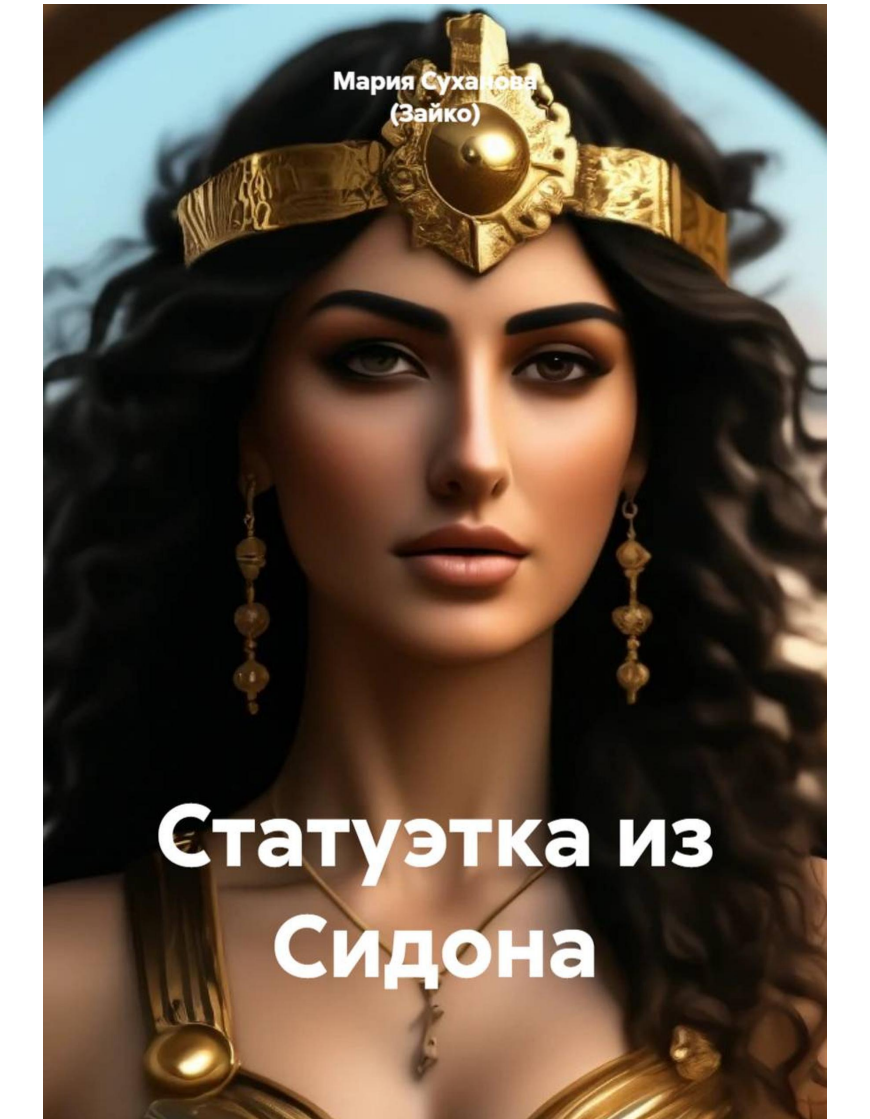

A close-up portrait of a woman with dark, wavy hair, wearing an ornate golden headband with a large central sphere and a smaller sphere on top. She is also wearing long, dangling earrings and a necklace. The background is a soft, out-of-focus blue and white.

Мария Суханова
(Зайко)

Статуэтка из Сидона

Мария (Зайко)

Статуэтка из Сидона

<https://litres.ru/73566814>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нофрет — дочь александрийского ювелира, помолвленная с двоюродным братом и связанная древней клятвой, которую не может нарушить.

Клеомен — афинский купец, чьи корабли бороздят всё Средиземноморье, а сердце загорелось любовью к египтянке, которую он видел всего дважды.

Казалось бы, их судьбы не должны пересечься. Но случайная покупка — глиняная статуэтка, напоминающая Клеомену черты Нофрет, — запускает цепь событий, которые изменят жизнь обоих.

Содержание

Часть 1 Глава 1 Морок	4
Часть 1 Глава 2 Счастье Нофрет	19
Часть 1 Глава 3 Благосклонность богини	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мария Суханова (Зайко)

Статуэтка из Сидона

Часть 1 Глава 1 Морок

Афинянин Клеомен, как многие его соотечественники, был не только хорошим воином, но и успешным торговцем. Его торговые корабли возили товар по всему Средиземноморью. Во многих землях и странах побывал Клеомен, но больше всего его душа лежала к Александрии Египетской. Уже неделю его корабли находились в порту Сидона в ожидании попутного ветра, чтобы отплыть к берегам Египта.

Сидон когда-то был одним из богатейших финикийских городов, ему приписывали славу родины стекла и пурпура. Многие завоеватели покорили и разрушили этот некогда могущественный город. После того, как он был завоеван Александром Македонским, он жил только за счет былой славы. Теперь первенство принадлежало Тиру, тоже одному из финикийских портов. В то же время торговые суда по старой памяти подходили к причалам Сидона, в городе проводились спортивные соревнования, а многие эллины, наслышанные о былом величии города, приезжали сюда в поисках счастья.

Клеомен был одним из тех, кого влекла древняя слава Сидона. Он закупал в местных лавках и мастерских золотую и

серебряную посуду, керамику, пурпурные занавеси и ткани, изделия из стекла. Иногда ему попадались диковинные вещицы, которые он сбывал в Александрии Египетской или в италийских городах ценителям редкостей. Вот и сейчас он приобрел у одного из местных гончаров ящик с глиняными статуэтками только потому, что одна из них напомнила ему Нофрет. Дважды он беседовал с юной уроженкой Александрии, которая помогала отцу в ювелирной лавке. Приветливость и врождённая грация египтянки вселили в сердце афинянина любовь. И стоило Клеомену закрыть глаза, как перед его внутренним взором представал нежный облик Нофрет.

Вот и сейчас, наблюдая за погрузкой товаров на корабль, он мысленно был подле любимой. Черный шёлк волос, точёный профиль и длинные, подведённые черной краской глаза заслонили все вокруг. Хрупкая девичья фигурка с трогательно выпирающими ключицами всегда была окутана желтым или зелёным одеянием, сотканным из египетского льна. Шею и запястья рук охватывали серебряные украшения с вставками из бирюзы, лазурита, янтаря и прозрачных зеленых камней, которым он не знал названия. Руки Нофрет всегда были заняты работой: она либо нанизывала ожерелья и браслеты, либо плела венки. При этом рот её не закрывался ни на минуту: для каждого, кто заглядывал в лавку, у неё была тема для разговоров. Если собеседников не было, она напевала песенки собственного сочинения.

Неожиданный всплеск воды, как будто туда бросили нечто

тяжелое, оторвал Клеомена от любовных мечтаний. Он увидел, что один из рабов, занятых на погрузке товаров, нырнул за упавшим в воду ящиком с глиняными статуэтками. Оказалось, что рабы-грузчики, молодые и ловкие юноши, решили развлечься перекидыванием друг другу товаров. Один из них предложил бросить ящик в воду, чтобы посоревноваться в умении нырять и плавать. И только гневный окрик хозяина, очнувшегося от грёз, заставил рабов прекратить забавы.

Клеомен позвал к себе Ахиллу, надсмотрщика над корабельными рабами. Тот велел пловцу вытащить ящик из воды и принести его хозяину. Клеомен с осторожной поспешностью принялся разглядывать глиняные статуетки. Все они, завернутые в толстую рогожу и переложенные соломой, были целы, кроме одной – той, которая была похожа на Нофрет.

– Всех наказать сотней ударов плетей, а пловца продать. Впрочем, продай их всех, – велел Клеомен надсмотрщику.

– Но мы их только недавно наняли! Мне понадобится время, чтобы найти новых крепких рабов, – Ахилла поклонился хозяину, чтобы скрыть от него недовольство.

– Не приобретаю больше юнцов, найди мне зрелых и разумных мужей, у которых уже был опыт службы на кораблях. Иначе я самого тебя заставлю грузить товары, – с этими словами Клеомен повернулся к надсмотрщику спиной и, зажав ящик со статуэтками подмышку, зашагал в сторону города.

Ахилла проводил его ненавидящим взглядом и сжал кулаки. Сам из бывших корабельных рабов, он приглянулся

ещё отцу Клеомена своей расторопностью и бережливостью, и тот дал ему вольную и приблизил к себе. «Пусть Тартар поглотит тебя, – ругался про себя надсмотрщик, – испортить такой хороший товар из-за какой-то глиняной мелочи, словно его приворожили».

На одной из грязных улочек, прилегающих к порту, среди обветшалых домишек, афинянин нашёл гончарную мастерскую. Гончар, увидев посетителя вместе со своими изделиями, которые он ему всучил за большие деньги накануне, сперва хотел удариться в бегство. Он решил, что Клеомен распознал дешёвую подделку в статуэтках, которые он выдал за наследие ассирийских мастеров, и пришёл потребовать деньги назад. Но узнав, что посетитель нуждается в его помощи и готов заплатить ещё больше, обрадовался неожиданной удаче. Гончар понял, что чужеземцу заподозрить надувательство помешало плохое знание языка и местных обычаев.

– Посмотри, мастер, эта статуэтка богини лишилась головы по вине одного раба. Смог бы ты её починить или изготовить новую? – спросил Клеомен, вкладывая мешок с золотыми монетами в руки обалдевшего гончара. – Она мне напоминает мою далекую возлюбленную, и именно поэтому я хотел её преподнести как свадебный дар отцу любимой.

Хозяин мастерской понял, что имеет дело с влюблённым, но состоятельным, глупцом, и сказал ему:

– Я постараюсь выполнить твой заказ, но тех денег, ко-

которые ты мне дал, хватит только для начала работы. По ее окончании ты заплатишь мне столько же.

– Я согласен. Сколько тебе понадобится времени?

– Три дня.

Когда на четвёртый день Клеомен явился за статуэтками к гончару, то обнаружил двери мастерской распахнутыми настежь, а внутри беспорядок. Всё выглядело так, словно гончар был чем-то напуган и при бегстве схватил то, что первым попало ему под руку. В золе очага Клеомен обнаружил статуэтку Нофрет абсолютно целую и новую, только с ярко размазанным лицом, как у уличных танцовщиц. Взяв ее в руки, он не поверил своим глазам – её накрашенные красным кармином губы шевелились. Статуэтка была живой и пыталась с ним говорить. Клеомен не был суеверным, но на всякий случай сделал знак, отвращающий силы зла. Взмолвившись родным эллинским богам, он схватил статуэтку и поспешил покинуть мастерскую.

Вернувшись на корабль, афинянин при солнечном свете еще раз внимательно осмотрел находку. Лицом она лишь отдаленно напоминала предшественницу: в ней не было ничего от Нофрет. Если первая статуэтка фигурой и поворотом головы была вылитая египтянка, то вторая была лишь ее уродливой копией. Только лицо, искаженное вульгарной краской, было живым, а губы продолжали шевелиться. Клеомен попытался прочесть по ним, что статуэтка пытается ему сказать. В это время чья-то тень упала на него, заслонив

собой солнце.

Афинянин обернулся: перед ним стоял один из новых рабов, по виду финикиец, и с интересом наблюдал за ним. По открытому взгляду и манере держаться финикиец выглядел свободно рожденным. Клеомен понял, что только денежные обстоятельства сделали его рабом.

– Хозяин практикует местное колдовство? – спросил финикиец.

– Как ты осмелился прийти на эту палубу и разговаривать со мной, раб?

– Я пришёл предупредить хозяина о надвигающейся беде. Один из твоих старых рабов, который был свидетелем произошедшего, рассказал мне об упавшем в воду ящике с глиняными статуэтками. Но лишь я могу объяснить тебе, почему ящик упал в воду.

– Хорошо, раб, говори. Я не знаю, о какой беде ты про-rочишь, но я никогда не слышал о финикийском колдовстве. Финикийцы искусные мореплаватели и торговцы, они научились добывать пурпурную краску из морских раковин и сделали её символом царского достоинства. Но никто и никогда мне не рассказывал, что у них есть колдуны.

– Колдуны есть у всех народов, хозяин, и у эллинов, и у египтян, и у финикийцев. Последние научились у вавилонян делать живые статуи. Та статуэтка, которую ты видишь, заговорена на любовное безумие. Кто-то решил погубить тебя, наслав порчу.

– Скажи, раб, зачем гончару, который видел меня два раза в жизни, применять против меня древнее колдовство? И что мне теперь делать с этой статуэткой?

– Кто-то подсказал гончару, как действовать против тебя, и хорошо ему заплатил, но колдовство обернулось против самого мастера. Статуэтку выбрось в море и пусть твой корабль не заходит в порт Александрии. Отправляйся в города Иберии или на Апеннины, там тебя ждут процветание и богатства.

– Но в Александрии ждут моих товаров!

– А ещё тебя ждёт девушка, вылитая статуэтка, хозяин.

– Ты слишком дерзок, раб. Кто тебе рассказал об этом?

– На корабле давно болтают, хозяин, о твоей любви к египтянке. Но твоя любовь всего лишь морок, порожденный финикийским колдовством.

– Но зачем финикийцам влюблять меня в девушку, которую я и так люблю?

– Им всё равно, кого ты любишь или не любишь, хозяин. Финикийцы готовы завладеть не только твоими деньгами, но и душой. Разбей статуэтку и всё, что ты приобрёл у гончара, а осколки выброси в море, или позволь мне.

– Ты варвар, не способный оценить, насколько искусны были руки мастера, вылепившие эти статуэткі. Даже в моей стране скульпторы редко создают подобную красоту из глины, им ближе холодный мрамор.

– Хозяин, разбей эти статуэткі, и деньги, и разум вернут-

ся к тебе.

Клеомен только покачал головой и пошёл к себе в каюту. Но на середине пути он обернулся и встретился с глазами раба. Тот был настолько величественен, а солнце превратило его рыжие волосы в корону, а от рыжей бороды исходило такое золотистое сияние, что афинянину показалось, что он лицезреет какое-то финикийское божество или, по крайней мере, царя. На мгновение Клеомену почудилось, что раб стоит не на палубе, а на воде, и волны лижут его босые ступни, не смачивая их.

– Как зовут тебя, раб?

– Моё имя Аннива, я из рода сидонских царей. Мой род обеднел и нас продали за долги. Теперь я служу тебе и стараюсь предостеречь от беды.

Клеомен ничего не ответил финикийцу, но поторопился позвать к себе надсмотрщика Ахиллу:

– Среди новых рабов есть некий финикиец по имени Аннива. Что тебе известно о нем и где ты его купил?

Ахилла посмотрел на афинянина как на тяжело больного и сказал:

– Мне кажется, что мы слишком долго находимся в этом городе. Финикийское солнце плохо влияет на эллинский разум. Ты должен поскорее отплыть в Александрию, ведь твое сердце так стремится туда.

– Я сам знаю, что мне делать, как хозяину этого судна. Ты

не ответил на мой вопрос, Ахилла. Так скажи мне, тебе известен или нет корабельный раб по имени Аннива, потомок сидонских царей?

– Мой дорогой Клеомен, ты явно перегрелся на солнце. На корабле нет рабов с такими именами, тем более я не нанимал царских потомков.

– А хоть одного финикийца ты нанял?

Ахилла печально взглянул на афинянина и еще более печально вздохнул:

– Ну, финикийца я ещё могу отличить от египтянина или эллина. Среди новых рабов нет финикийцев. Есть халдеи, есть набатеи, египтяне и уроженцы Иберии и Галлии. Все они искусны в погрузке и сохранности товаров, легко переносят качку и даже способны заменить нашего кормчего Леонтиска, когда ему вздумается распробовать пальмовое вино.

При упоминании о Леонтиске, Клеомен улыбнулся: любовь кормчего к портовым кабачкам была ему известна. Оттуда он возвращался, горланя песни, от которых даже у бывалых матросов вяли уши. Обычно его несли на руках случайные приятели, которые ели и пили за счет Леонтиска. Иногда

тот оставлял в заклад одежду, и тогда Клеомену или Ахилле приходилось их выкупать. Но кормчий меньше всего волновал сейчас афинянина, все его мысли были заняты таинственным финикийцем:

– Если ты не нанимал Анниву, то откуда он взялся?

– Может, тебе явился сам бог Мелькарт? Говорят, что он когда-то обитал в местных водах.

Теперь уже Клеомен посмотрел на надсмотрщика как на умалишенного.

– Я думаю, дорогой Ахилла, что мы оба сегодня перегрелись на солнце и нам пора отдохнуть.

Клеомену всю ночь снились изматывающие сны: где бы он не находился, к нему приходила Нофрет со словами любви и заключала в нежные объятия. Но чем больше они предавались страстным ласкам, тем быстрее их поглощала водная пучина, из которой он не мог выбраться.

Афинянин проснулся на рассвете с ломотой во всем теле и в дурном настроении. Чтобы отвести беду от себя и корабля, он взмолился Посейдону и Афине. Ещё в молитвах он вспомнил морского старца Протея, который умел принимать

любой облик, чтобы ускользнуть от преследователей. Умывшись, чтобы смыть с себя дурноту, Клеомен не избежал соблазна ещё раз взглянуть на говорящую статуэтку. В каюту вошёл Леонтиск, чтобы доложить о погоде, и увидел, как хозяин в ужасе смотрит на размалёванную глиняную фигурку. Кормчий перекрестился на свой лад и прошептал: «Царево око, защити меня». Потом, сделав вид, что ничего не заметил, доложил, что ветер попутный, и поспешил удалиться. На палубе он долго смотрел на воду, а потом достал из-за пазухи амулет Уаджет, купленный в египетских Фивах, и поцеловал его.

– Поднимай паруса! Через час мы должны отплыть в Александрию! – крикнул Клеомен, выйдя из каюты.

– Но... – слова возражения застряли на губах кормчего.

Поймав взгляд хозяина, он только тяжело вздохнул и тайком коснулся амулета, носимого под одеждой.

Клеомен всё время плавания не выпускал из рук говорящую статуэтку. Она всё время таращила на него накрашенные глаза, а размалёванный рот не переставал шевелиться.

Ночью, когда Клеомен метался в кошмарах, Леонтиск бесшумно проскользнул в каюту. Говорящая статуэтка лежала

на столике у кровати, её накрашенные губы шевелились даже во сне. Кормчий с отвращением схватил её, сунул в мешок и заменил на ту, что Ахилла принёс от другого мастера – точную копию той, первой, что была похожа на Нофрет. Потом он вышел на палубу и, убедившись, что никто не видит, бросил мешок в море. Фигурка пошла ко дну, но Леонтиску показалось, что он слышит её смех даже под водой.

Когда корабль подходил к Александрии, налетела буря, хотя за мгновение до этого не было ни облачка. Ветры истрепали паруса и отбросили судно на прибрежные скалы. Тогда ещё не был построен знаменитый Фаросский маяк, и мореплаватели испытывали трудности при заходе в порт Александрии. Весь экипаж корабля спасся, но Клеомен велел бросить товар и соорудить из останков корабля плоты. По доброй или по злой воле богов, афинянин и его люди благополучно достигли берега.

Их встретила толпа александрийцев, которая с любопытством и надеждой наблюдала за их спасением. Среди зевак Клеомен увидел процессию во главе со жрецами в окружении музыкантов и танцовщиц. Музыканты пели и приплясывали под аккомпанемент нехитрых музыкальных инструментов, а танцовщицы разбрасывали цветы и сладости. Участники процессии вели или несли некую фигуру, скрытую покрывалом. Когда процессия остановилась перед изум-

ленным Клеоменом, к нему обратился один из жрецов, шедших во главе:

– Афинянин, ты мечтал соединить свою судьбу с судьбой Нофрет, дочерью почтенного Гагабу? Так возьми её – она твоя!

С этими словами жрец сорвал покрывало со стоящей неподвижно невесты. Из уст Клеомена и всех присутствующих вырвался вопль ужаса: под покрывалом скрывалась высотой в человеческий рост размалёванная глиняная статуэтка. Не успел афинянин от неё отшатнуться, как руки статуи превратились в змей и с шипением обвили вокруг него и стали душить.

Клеомен издал нечеловеческий вопль и открыл глаза: над ним склонились встревоженные лица Ахиллы и Леонтиска.

– Где я? В Александрии?

– Ты у себя на корабле, который всё еще находится в Сидоне Финикийском.

– А разве мы не уплыли в Александрию и не потерпели кораблекрушение в бурю?

– Хозяину приснился дурной сон. Тебя кто-то сглазил с

помощью этой статуэтки. Ты грезишь наяву, – с этими словами кормчий забрал из ослабевших рук Клеомена глиняную статуэтку его кошмаров. Ахилла поспешил дать ему тёплого молока с мёдом, как будто Клеомен был простуженным маленьким ребёнком.

– Что тебе приснилось? – спросил надсмотрщик.

Клеомен во всех подробностях пересказал ему и кормчему содержание своего сна.

– Может, всё-таки нам не ходить в Александрию? Твой дурной сон может оказаться пророчеством, – предположил Леонтиск.

– А Нофрет? Вдруг она меня ждёт? – спросил Клеомен.

– Если ждёт, то дождётся. Давай вместо Александрии отправимся на Кипр. Там в святилище Афродиты Пафосской ты получишь очищение и совет, как правильно поступить, – заключил Ахилла.

– Ахилла прав, хозяин. Ты находишься под влиянием чар финикийской богини Ашторет, ей поклоняются с незапамятных времён. У Ашторет много имён: Иштар, Инанна, Кибела, Ма, Астарта и Ашторет. Она и богиня-мать, и воительница, и покровительница любви и материнства. А та статуэтка, которую ты принимал за изображение Нофрет, – это приворотный амулет, который финикийские колдуны позаимствовали от ассирийцев, – Леонтиск потряс своими познаниями Клеомена и Ахиллу, но не сознался, что только на днях получил эти сведения от одной портовой блудницы. Та в мо-

лодости прошла посвящение в храме Ашторет, но жрицы из неё не получилось, ведь за пение и танцы платили больше.

– И Киприда нам эллинам ближе, чем какая-то Ашторет! – добавил Ахилла.

– Тс-с, Ахилла, мы находимся в городе Ашторет и она может услышать тебя и разгневаться! – Леонтиск сделал знак, отводящий беду.

Клеомен про себя дивился тому, как надсмотрщик над корабельными рабами и кормчий дружно уговаривают его от плавания в Египет.

– Ладно, так и быть. Плывём на Кипр. Только если Киприда даст своё благословение на мою свадьбу с Нофрет, то вы будете исполнять любые мои желания.

Часть 1 Глава 2 Счастье Нофрет

В семье почтенного Гагабу даже не вспоминали про Клеомена и его спутников. Нофрет с детства была помолвлена со своим двоюродным братом Мерптахом и ждала совершеннолетия, чтобы выйти за него замуж. Мерптах так же, как и Гагабу, содержал ювелирную лавку, а после смерти дяди должен был унаследовать его бизнес. Но Гагабу еще не было и сорока лет, так что он мог прожить еще много лет. Но в Мерптахе, к удивлению окружающих, не было корысти и для торговца он был чересчур честен. Гагабу это одновременно радовало и печалило. Он боялся, что племянник не сможет удержать бизнес и разорится. А он очень не хотел, чтобы его единственная дочь Нофрет хоть в чем-то испытывала нужду.

Нофрет же была лучше осведомлена в делах торговли, чем ее будущий супруг, и точно знала, что сумеет с помощью рукоделия прокормить семью в случае разорения. Как девушка умная, она старалась не показывать окружающим своё понимание деловых вопросов раньше времени. Пока же она слушала признания Мерптаха, который умел слагать стихи и песни и аккомпанировать на лютне. Сидя в саду у отца или у дяди, влюбленные строили планы на жизнь, и в это время Нофрет продолжала низать ожерелья и браслеты на продажу. Её жених же устремлял мечтательный взгляд на цветы или звезды. И однажды Мерптах разглядел в тени глаза, ко-

которые внимательно наблюдали за ним и его невестой. И эти глаза принадлежали Яхмосу, сыну богатого вельможи. В них Мерптах прочел, что Нофрет никогда не станет его любящей женой и не родит ему сыновей и дочерей.

Через несколько дней в дом к Гагабу пожаловал Хор-Собек, отец Яхмоса, и предложил ему тридцать талантов за то, чтобы Нофрет стала женой Яхмоса.

– Спроси мою дочь, и пусть будет так, как она пожелает, – развел руками отец девушки, – я не могу приневолить свою дочь выйти замуж за нелюбимого.

– Причем здесь любовь? – удивился Хор-Собек. – Разве женщина понимает в таких вещах? Достаточно того, что мой сын без ума от неё. К тому же Яхмос богаче, чем твой племянник.

– Мерптах с детства помолвлен с моей дочерью, и я не могу нарушить клятву, данную перед богами. Ведь ты не хочешь, чтобы гнев богов обрушился на нас?! – воскликнул Гагабу.

В ответ Хор-Собек сделал знак, упреждающий несчастье:

– Да смилуется над нами Амон-Ра и Великая Девятка богов! Скажи мне, почтенный Гагабу, перед алтарем каких богов ты давал клятву отдать дочь за Мерптаха? Я приведу верховного жреца из храма этого бога, чтобы он освободил тебя и твою дочь от данной клятвы.

– Я поклялся перед Сетом и Анубисом, что моя дочь соединит судьбу с сыном моего покойного брата.

После слов Гагабу благостная улыбка сошла с уст Хор-Собека: от клятвы, данной перед алтарем Сета, не мог освободить даже сам Сет.

– Скажи мне, почтенный Гагабу, что заставило тебя дать столь страшную клятву?

– Задай этот вопрос Сету. Вместе с клятвой выдать дочь замуж за Мерптаха я поклялся утаить ото всех причину того, почему я дал подобную клятву.

Хор-Собек ни с чем вернулся к сыну. Тот был настолько разгневан услышанным, что выпрыгнул через окно в сад. Слуг, которые пытались его утихомирить и вернуть назад, Яхмос раскидал тростью. Он пропадал неизвестно где и с кем так долго, что мать с отцом не чаяли найти его живым.

Когда Яхмос вернулся домой, то ни родители, ни слуги не смогли узнать его, так он исхудал и осунулся. Еще больше Хор-Собека и его жену поразил ответ сына на их вопрос, где он был и почему ни разу не прислал весточку:

– Я знаю, в чем заключалась клятва Гагабу перед алтарем Сета!

– Яхмос, ты знаешь, насколько страшен гнев Сета, а еще страшнее месть тем, кто разгласит его тайны.

– Но мне не страшны ни гнев, ни месть бога пустыни, потому что я являюсь его верховным жрецом!

Услышав слова сына, его мать, прекрасная и нежная Нефру-Хатор, схватилась за сердце и упала в изнеможении на руки служанок. Хор-Собек, проводив взглядом процессию

прислуги, которые бережно унесли упавшую в обморок хозяйку дома, оценил поступок сына:

– Яхмос, я вижу, как ты повзрослел, что готов на многое ради любимой женщины.

– Теперь никто и ничто не сможет меня разлучить с Нофрет.

– Пусть смилуется над тобой Великая девятка богов, Серапис и сам Сет, но, может, ты поспешил стать жрецом столь могущественного божества?

– Мерптах ужаснется, когда узнает, что Гагабу, заменивший ему умершего отца, когда-то поступил точно так же, как Сет с Осирисом!

– Ты хочешь сказать, что почтенный Гагабу братоубийца? – взвыл Хор-Собек. – Кто сказал тебе это?

– Ночью во время молитвы ко мне сошла с алтаря статуя бога и говорила со мной.

Хор-Собек потерял ладонью подбородок, что у него означало крайнюю степень недоверия и сомнения.

– Я должен проверить твои слова.

С этими словами отец оставил сына в одиночестве. Яхмос же устремил свой взгляд в сад Гагабу, где он увидел Нофрет, которая в одиночестве гуляла по саду. Он захотел броситься к ней, но не захотел пугать ее.

С того вечера он больше нигде не видел Мерптах. Его соперник исчез странным образом, а Нофрет даже не выглядела грустной.

Чем старше становилась Нофрет, тем больше она понимала, что не хочет замуж за Мерптаха. Все её мысли занимал соседский сын Яхмос, который нашёл в себе силы объясниться в любви дочери Гагабу. Мы не будем приоткрывать занавесу тайны над тем, как это произошло, скажем только, что чувства юноши были взаимными.

В один из вечеров Нофрет поведала возлюбленному, который знал больше всех о происходящем, о причинах будущего брака с Мерптахом. Гагабу всё-таки рассказал о своей клятве Сету, но не сознался в братоубийстве.

– Я могу освободить тебя и твоего отца от данного слова, – сказал Яхмос.

– На это никто не способен.

– Как жрец Сета, я сумею это сделать. Вам нужно отправиться вместе со мной в храм к Отцу пустыни, где вы очиститесь от клятвы.

Влюбленным удалось уговорить Гагабу отправиться в храм Свирепого бога, который находился в Дельте Нила. В лавке остался Мерптах, которому, естественно, не сообщили о целях поездки. Гагабу внушил племяннику, что он отправляется в паломничество в Луксор, где ещё во времена Рамсеса Второго было возведено грандиозное святилище.

Храм Сета в Дельте был построен ещё при первых фараонах. Тогда Сет был ещё светлым божеством, он восседал в солнечной ладье Ра и защищал того в ночном путешествии от змея Апопа. Позже Сет с красно-рыжими волосами

и красными глазами стал богом зла, распри и вражды. Это произошло после убийства Осириса, родного брата.

С тех пор Сет был низвергнут с солнечной ладьи и бежал в пустыню, а после того, как Хор, сын Осириса, победил его, превратился в мстительного бога, ненавидящего все живое. Храмы, кроме нескольких, были закрыты, оракулы разрушены. Храм в Дельте Нила с тайным оракулом продолжал действовать, но об этом старались лишний раз не говорить, так же, как не упоминать имя Сета. О нем говорили иносказательно: Свирепый, Рыжий, Красноглазый, Отец пустыни, Отец хаоса. К нему обращались лишь в крайних случаях.

Нофрет, как и все жители Та-Кемт, чтит богов Египта и старалась избегать чужеземных богов. Как и все, она чтит Хора и его родителей Осириса и Исиду, и боялась гнева Сета, но все в меру и без фанатизма. Она очень была привязана к своему отцу, и только ради него отправилась в это путешествие. Никто из них не знал, что ожидает их здесь.

Древнее здание храма обветшало, но статуя Сета с ослиной головой выглядела только что вышедшей из мастерской камнереза. Поговаривали, что ему приносят в жертву не только чёрных свиней, ослов и салат-латук, но и людей. Жрецы храма носили чёрные одеяния и прикрывали плечи ослиными шкурами. Они переговаривались между собой и с проходящими знаками, и очень редко обращались с речью к кому-либо.

Путешественники из Александрии были так же молчали-

во встречены жрецами. Их разместили в притворе храма, где они должны были провести ночь. Немой слуга принёс им ритуальные кушанья из салат-латука и ячменное пиво.

После того, как все погрузились в сон, к Нофрет явился Красноглазый. Сначала она почувствовала чье-то присутствие, затем прикосновение, затем она открыла глаза и увидела перед собой лицо Отца пустыни. Тело, покрытое рыжими волосами, алые глаза без зрачков и свиные клыки – от этого зрелища можно было задохнуться от ужаса, но девушка его не испугалась. Убедившись, что она его не боится, Сет обратился к ней с речью:

– Девушка из Александрии, скоро ты покинешь пределы Та-Кемт. Рыжебородый афинянин увезёт тебя в свои земли, и ты будешь поклоняться иным богам.

Звуки его голоса напоминали ослиное ржание, блеяние и храп. Он старался быть нежным с ней в обращении.

Нофрет воскликнула:

– Но я даже не помню, как зовут этого эллина, тем более я никуда с ним не поеду.

– Я тебе открою тайну твоего рода, узнав которую, ты больше не захочешь возвращаться в Та-Кемт

– Какую тайну?

– Много лет назад у твоего деда родились два сына-близнеца – Гагабу и Птахотеп. Они были неразлучны до тех пор, пока не влюбились в одну девушку, которая предпочла Птахотепа, вышла замуж и родила ему сына. Гагабу вынужден

был жениться на другой девушке, дочери богатого лавочника, но его жена умерла во время родов.

– Это правда. Меня вырастил отец, я никогда не знала родной матери, – Нофрет заплакала при этих словах.

– Дочь Гагабу, твой отец убил своего брата Птахотепа и женился на его вдове с ребёнком.

– Мой отец не может быть убийцей, нет, этого не может быть.

– Твой отец поступил с братом так же, как и я с Осирисом в своё время. Птахотеп погиб, и его тело лежит в основании моего алтаря. Гагабу изготовил новый алтарь, на котором принёс в жертву своего брата.

Нофрет с ужасом слушала слова Красноглазого. Её сердце трепетало от боли и стыда.

– Теперь ты знаешь истинную правду о своём отце. Цена его клятвы велика – человеческая кровь.

– Разве любовь жены брата, которая стала мне мачехой, стоила такой жертвы, как жизнь брата?

– Скажи мне, дочь Гагабу, помнишь ли ты свою мачеху?

– Она старалась заменить мне мать, но её горе было столь велико, что она рано умерла. Я не знаю, любила ли она моего отца, но Мерптах был для неё смыслом жизни.

– Дочь Гагабу, мне известно, ради чего ты пришла сюда. Немногие смертные готовы переступить порог моего святилища, и почти никто из них не обладал столь чистой душой, как ты. Но только ты сможешь ответить себе на вопрос, по-

чему ты так хочешь освободить себя и отца от данной тобою клятвы.

– Я не люблю Мерптах, я хочу стать женой другого человека. Клятва, данная моим отцом, тяготит меня и мешает мне жить. Яхмос больше подходит мне, как муж. Но ты сказал, что чужеземец заберёт меня с собой в другие земли.

– Да, он уже близко. Ты должна подготовиться для встречи с ним. Завтра на рассвете мои жрецы совершат очищающий обряд над тобой и отцом, и ты сможешь соединиться с тем, кого любишь. Но не надолго.

– Что значит «не надолго»

Сет приблизился к ней, и Нофрет почувствовала жар, исходящий от его тела.

– Ты увидишь его скоро. Рыжебородого афинянина. Он пройдёт через морок и будет искать тебя. И когда он придёт, ты должна будешь сделать выбор.

– Какой выбор?

Сет засмеялся, и его смех был похож на скрежет камня.

– Выбор между правдой и ложью. Между тем, что ты знаешь, и тем, что узнаешь. Между прошлым и будущим.

И он со зловещим хохотом пропал во тьме.

Нофрет проснулась в холодном поту.

Мерптах, которого оставили присматривать за лавкой, был вовсе этому не рад. Он тайком от дяди брал уроки у греческого скульптора, чтобы сделать приятный сюрприз своей

невесте. Он ваял статую Нофрет, которая пока мало походила на оригинал. Торговля его мало привлекала, его душа стремилась к высокому искусству. Он был поэтом, который слагал посредственные стихи, художником, чьи рисунки были далеки от канона, и тому подобное.

Мерптах был славным и добрым юношей, но созерцателем жизни. Он много мечтал, иллюзировал, грезил наяву, но все его планы рушились, а мечты развеивались. И он очень сильно переживал из-за этого.

Ему казалось всё то, чем занимается Гагабу, мелочным, низменным и ненужным. Он же думал, что был рождён для великих дел. Торговля украшениями из полудрагоценных камней, статуэтки из глины, камня и дерева, искусно сплетенные венки из цветов – это было так далеко от того, что создавали придворные художники и ювелиры. Мерптах никогда не торговался с покупателями, а всё продавал по заниженной цене.

Когда к нему обратился конкурент его дяди по имени Моше и предложил хорошую цену за весь товар, он, не задумываясь, согласился: грек Алкамен брал очень дорого за свои уроки.

Мерптах в момент продажи дядиной лавки меньше всего волновался о Гагабу. Тот был достаточно состоятелен, чтобы открыть новую лавку в более выгодном месте. Такие веские доводы привёл Моше, и юноша легко подписал договор купли-продажи.

Вырученные от сделки деньги Мерптах передал Алкамену, чтобы тот приобрёл лучший мрамор для статуи Нофрет, и для оплаты будущих уроков ваяния. Неожиданно для него скульптор срочно отбыл на родину: до него дошли вести о рождении сына. Мерптах остался ждать.

Он поселился в заброшенной мастерской грека.

Однажды к нему явился Моше и предложил устроить распродажу оставшихся статуй и материала для них. Мерптах долго не соглашался, но когда у него закончилась еда, вынужден был пойти на новую сделку.

– Мой мальчик, – сказал ему Моше, – твоя мечта о скульптурах из мрамора прекрасна, но слишком трудна для исполнения. Я вижу, что ты недостаточно искусен в изображении людей. Начни с малых форм и лепи животных из глины, а покупателей я найду.

Моше принимал товар у Мерптах и тут же отправлял его на корабли, отплывающие в Сидон.

– Там эти фигурки хорошо продаются, – объяснял он. – Финикийцы любят нашу глину. Говорят, она хранит память о древних богах.

Мерптах не придавал этим словам значения, но если бы он знал, что одна из его статуэток попадёт в руки афинянина, который полюбит Нофрет... впрочем, если бы он знал, всё равно не придавал бы значения.

Так Мерптах стал работать на Моше.

Часть 1 Глава 3

Благосклонность богини

Из Сидона Финикийского в Александрию Египетскую можно было доплыть за два дня, а до Кипра всего за один день. Кипр был родиной Афродиты, ведь именно из морской пены у города Пафоса возникла прекраснейшая из всех богинь. В святилище богини, где был установлен конический черный камень, никогда не приносили кровавых жертв. На установленных вокруг камня треножниках горел только чистый огонь, который не могли погасить ветер и дождь.

Пока теплый зефир надувал паруса корабля афинянина, он, кормчий и надсмотрщик вели речь о почитании Афродиты.

Клеомен хоть и был уроженцем Афин, но чтил Афродиту Пафосскую, как и весь эллинский мир. Леонтиск был родом из древнего города Коринфа:

– На коринфском акрополе высится главный храм нашего города – храм Афродиты Коринфской, при котором существует школа гетер. Моя мать прошла обучение в этой школе и в молодости считалась одной из образованнейших и богатейших гетер Коринфа. Но потом она встретила моего отца – кормчего на одном из египетских кораблей. Их любовь не могли бы вместить ни Океан, ни космос. Отец заставил мою

мать отказаться от любовного ремесла и увез в египетские Фивы. Там он наладил торговлю и слыл одним из успешных купцов. Я, его единственный сын и наследник, должен был получить после него несметные сокровища. Но мой отец разорился, и я вынужден был поступить простым матросом к его компаньону. Первое время я водил суда по Нилу, затем мне доверили стать кормчим на торговых кораблях, перевозивших грузы между разными землями.

– Леонтиск, так ты наполовину египтянин? – изумился Ахилла.

– Нет, я эллин, мои родители были эллинами, но самое счастливое время они провели в Египте.

– Моя мать была повивальной бабкой на Делосе. Отца своего я не знаю, вернее, мне никогда о нем не рассказывали ни мама, ни бабушка, – начал рассказ Ахилла. – На Делосе больше чтят Лето, Аполлона и Артемиду.

– Артемиду первой из близнецов появилась на свет и приняла у матери новорожденного брата! Это меня всегда восхищало, – прервал надсмотрщика Клеомен.

– Моя мать всегда говорила, что Артемиду завершает то, чему Афродита положила начало, – с улыбкой продолжил Ахилла, но при этом сделал рукой знак, упреждающий несчастья. Леонтиск и Клеомен также последовали его примеру. Ведь их фривольные разговоры могли прогневать мстительных близнецов.

Видимо, ясноликий Феб остался недоволен ими, потому

что солнце скрылось за черной тучей. На корабль обрушился гром и молнии, сменившиеся ливнем. Через какое-то время ливень прекратился так же внезапно, как и начался. Когда корабль вошёл в гавань Пафоса, то синева небес соперничала с чистой бирюзой морских волн.

На берегу корабль встретила одна из жриц храма Киприды. Клеомен счёл ее появление добрым знаком.

– Меня зовут Мелия, я жрица в святилище Пафоса, – представилась им высокая светловолосая женщина. Её одевание из тончайшего льна и украшения соответствовали ее высокому рангу. – Нам было видение, что из Сидона Финикийского к острову направился корабль, чей владелец столкнулся с местным волшебством. Богиня велела принять вас и расспросить, как следует, о произошедшем, прежде чем дать ответ.

– Да, я Клеомен, владелец того самого корабля, но о том, что меня волнует, я буду говорить только в присутствии богини.

– Тогда вы прибудете как паломники под ее покровительство, – властно и уклончиво сказала Мелия и молчаливым жестом пригласила трех спутников следовать за нею.

Гостиница для паломников находилась рядом со святилищем. На обед были предложены мясо, хлеб, фрукты, сыр и разбавленное вино, а также приглашены музыкантши, которые готовы были услаждать не только зрение и слух, но и тела уставших путников. Леонтиск и Ахилла с радостью восполь-

зовались плодами кипрского гостеприимства. Клеомен едва прикоснулся к трапезе и уклонился от объятий задорной и смазливой служительницы Киприды. Он с удовольствием предался бы ласкам, но мечта о Нофрет остановила его. Ещё ему не давала покоя мысль, что появление Мелии на берегу было кем-то спланировано.

Когда розовые сумерки опустились над островом, Мелия прислала старую служанку, которая велела Клеомену одному прийти в святилище богини. Афинянин ответил, что скоро придет, а сам пошел проведать своих спутников. Те спали, утомленные обедом и музыкантшами. Клеомен усмехнулся, так забавно выглядели сонные Леонтиск и Ахилла. Но одна мысль не давала ему покоя: он нигде не мог найти говорящую статуэтку богини.

– Леонтиск, куда ты ее положил? – афинянин начал тормошить кормчего, а тот делал вид, что не понимает, о чем идет речь.

– Я ее утопил в море, – всё-таки ему пришлось сознаться.

– Утопил? А с чем я пойду к Киприде? – одновременно возмутился и испугался Клеомен.

– Вот она, я всё время держал её за пазухой, – успокоил хозяина надсмотрщик, протягивая ему завернутое в ткань изображение богини.

Афинянин с трепетом развернул статуэтку и с радостным изумлением увидел перед собой самое первое изображение

богини, похожее на Нофрет

– Ахилла, как тебе удалось приделать к ней голову и даже шов на шее незаметен?

– А я ничего никуда не приделывал! Пока ты возился с говорящим идолом, я взял поврежденную статуэтку и отправился к другому мастеру, который за несколько монет изготовил ее копию.

– Ты поступил мудро и благородно! Надеюсь, что утопленный Леонтиском идол не причинит нам вреда.

В святилище Киприды афинянина встретили Мелия и еще несколько жриц. Верховная жрица, которую звали Поликарпия – «многоплодная», была самой старшей по возрасту. В ее черных волосах пробивалась седина, а складки вокруг глаз и рта свидетельствовали о мудрости и горьком жизненном опыте. Остальным жрицам было от двадцати до сорока лет, и среди них были не только элинки, но и финикиянки, и египтянки.

Выслушав рассказ Клеомена, Поликарпия задумалась. Потом она велела Мелии и одной из финикиянок последовать за ней в ту часть храма, где за плотным занавесом находился черный конический камень. Когда Клеомен вошёл в святилище, его разум был холодным, сердце чистым, а душа спокойной.

Поликарпия обратилась к нему со словами приветствия:

– Богиня благосклонна к тебе, о Клеомен-афинянин, но она не даёт прямого ответа на твой вопрос. Афродита пода-

ла твёрдый знак, что ты благополучно достигнешь берегов Александрии. Но мы не получили однозначного ответа, будешь ли ты счастлив с Нофрет, дочерью Гагабу. Её окружает какая-то тайна, которую Пеннорожденная не раскрыла нам.

– Если твое решение окончательно, а твоя любовь к египтянке – настоящая, то ты преодолеешь все препятствия, – сказала Мелия, когда верховная жрица незаметно ей кивнула. – Я могу тебе дать лишь один совет: сегодня же отправляйся в Александрию, но остановись не в самом городе, а в гавани рядом с ним. В этой гавани есть небольшое святилище Астарты, где молятся все выходцы из Тира и Сидона. Спроси верховного жреца о деле, которое тебя волнует. Я думаю, что лишь служитель Астарты сумеет разгадать тайну Нофрет – египтянки.

– Больше мы ничем не сможем тебе помочь, – развела руками Поликарпия.

Пока Клеомен беседовал с жрицами, Леонтиск и Ахилла оставались в гостинице. Кормчий, который уже успел выпить лишнего, отозвал Ахиллу в сторону:

– Послушай, надсмотрщик, тебе не кажется, что хозяин сошёл с ума? Эта девка из Александрии – всего лишь лавочница. Смазливая, спору нет, но стоит ли из-за неё лезть в колдовские дела?

– Хозяин знает, что делает, – сухо ответил Ахилла.

– Знает? Он видел её два раза! Два! А теперь таскается по храмам, выпрашивает у жриц, как ему быть. Я видел, как

он смотрит на ту статуэтку. Он не в себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.